

[00:00:00] [Начало записи]

[00:00:56]

Аркадий Соловьев: Уважаемые коллеги! Тема нашего круглого стола – пенсионный возраст. Поскольку пенсия у нас стала центральным элементом бюджетной системы уже второй год, в этом контексте финансовый блок правительства предлагает рассматривать пенсионный возраст как главный резерв экономии бюджетных расходов. Я не буду называть фамилии, которые рисуют эту конструкцию, они всем известны.

В этой связи я считаю, что пенсионный возраст из классической схемы, как параметрический показатель пенсионной системы, превращается в институциональный. Он повлечет за собой трансформацию функций и задач всей пенсионной системы. В чем это заключается, я вам сейчас попытаюсь объяснить.

Уже 25 лет у нас идет пенсионная реформа, ориентированная на рыночные условия хозяйствования. Пенсионный возраст является параметрической характеристикой, наряду с тарифом, продолжительностью стажа, размером страховых взносов, он позволяет регулировать пенсионную систему в рыночных условиях как страховую.

Что такое страховая пенсионная система? Она базируется на главном принципе, это баланс прав и обязательств. Человек сам формирует свои права, а государство, в соответствии с этими правами, реализует его пенсионные обязательства. Понятно, что в разных условиях – солидарной или накопительной пенсионных систем – баланс прав и обязательств регулируется разными способами, в той или иной степени.

Надо признать, что в нашей стране страховая пенсионная система далека от того, чтобы полностью соответствовать страховым принципам. Тем не менее, это, по сути, единственный страховой механизм. У нас нет медицинского страхования, нет страхования от безработицы, которые являются традиционными атрибутами западных государств социальной ориентации.

Но пенсионное страхование у нас существует, это общепризнано. Оно является не самым плохим в международной классификации пенсионного обеспечения. Именно эта конструкция сейчас настроена на тот возраст, который у нас есть.

[00:04:59]

Конечно, возраст, который у нас сейчас есть – в мире нет таких аналогов, в цивилизованном мире такого низкого возраста нет нигде. Везде возраст 65 лет, в некоторых странах уже 67, в некоторых и 70. Причем, без всяких гендерных различий, это уже давно преодоленный элемент. У нас еще сохраняются гендерные различия, которые не основаны ни на каких демографических параметрах, а просто взяты с потолка в конце XX столетия.

Скоро будет уже 100 лет, как этот возраст стоит. Почему он не меняется? В советское время он не менялся по одним причинам, не меняется и сейчас. Потому, что для этого нет никаких экономических – я говорю именно об экономических – оснований. Возраст определяет баланс прав и обязательств, а права зависят от того, сколько лет человек формирует свой стаж трудовой деятельности, и от периода выплаты, то есть периода дожития, который сейчас есть.

№ 35. Круглый стол «Повышение пенсионного возраста в России – проблемы и решения. Есть ли альтернативы?»

Можно было бы двигать возраст, если при этом стали бы двигаться остальные пенсионные параметры. Это страховой тариф, страховые взносы. У нас страховой тариф и страховые взносы установлены на известных цифрах. Сейчас он номинально 26 %, реально 22 %, причем в права идут 16 %. Почему у нас такие тарифы? Потому, что считается какая-то непосильная нагрузка на наш несчастный бизнес, который стонет от обеднения.

Если бы мы повысили возраст, при этом автоматически можно было бы в какой-то мере снижать тариф. Но снижение тарифов приведет к сокращению пенсионных прав работника. Они у нас и так очень маленькие.

Самый большой ограничитель здесь – это охват. У нас сейчас до 60 лет доживают только 6 из 10 мужчин, то есть 60 %. До 65 лет у нас доживут только 4 мужчин из 10. У женщин ситуация немного лучше, но них есть другая проблема – проблема здоровой жизни. Поэтому и трудовой стаж у них меньше. Многие недорабатывают трудовой стаж, потому что они, хоть и живут, но мучаются. Живут долго, но мучаются, или живут мало, но счастливо.

Проблема охвата на последних конгрессах МОТ становится главным целевым ориентиром международного сообщества. Я говорю о признаках страховой системы. Чтобы люди могли не только формировать свои права, но могли и реализовать их. Если они не могут реализовать, какая же это страховая система? Баланс прав и обязательств тогда нарушается.

В этой конструкции, как только мы повышаем возраст, у нас отпадает охват, поскольку мужчины не доживают, а женщины болеют и мучаются. Размера пенсии не хватает не то, что до нормального, достойного уровня жизни, о котором говорят, что к 20-му году мы достигнем каких-то мировых параметров.

[00:10:03]

Сейчас критерием уровня жизни у нас является один показатель ПМП. Присутствующие, наверное, догадываются, что этот показатель существует только для того, чтобы преодолеть порог нищеты. С таким уровнем нищеты для одиноких, как правило, больных пенсионеров это недопустимо. Сейчас у нас этот порог нищеты преодолен в 1,6 раза, то есть на 160 %.

В 2014 году, до кризиса – я имею в виду наш бюджетный, не глобальный экономический кризис который постиг нашу страну в 2015-2016 году – у нас был 1,75. Сейчас 1,6, а к 2018 году будет 1,5. Начиная с 2018 года до 2030 постепенно будет снижаться, но несущественно. Эти 1,5 ПМП остаются у нас на все обозримое поколение. Все, даже нынешняя молодежь, тоже в тридцатые годы пойдет, в лучшем случае, на 1,5 ПМП.

Можете посчитать: если ПМП у нас 8 000, то 12 000 вам дадут, сопоставимых, если брать цены текущего периода. Можно жить на 12 000, если половину отдаешь за квартиру, а остальное – на лечение или налоги? Остаются только деньги на воздух, и то не очень чистый.

Надо отметить еще демографический прогноз. То, что все стали жить дольше и счастливее – все эти разговоры сильно преувеличены. Продолжительность жизни у нас растет, но это общая продолжительность жизни, начиная с момента рождения. Она достигает столько за

счет того, что сократилась младенческая смертность и смертность в трудоспособных возрастах. Смертность в старческих возрастах не уменьшилась.

Продолжительность жизни пожилых людей от 60 лет не меняется уже последние 100 лет, или меняется несущественно. Конец XIX века – 14 лет в 1895 г. и 15,8 сейчас – всего два года за более чем 120-130 лет. То есть никаких радужных перспектив здесь нет. Если мы поднимем на 5 лет, то понятно, что произойдет с периодом дожития. Чтобы сформировать пенсионные права, мужчинам надо работать всего 26 лет. Я имею в виду среднюю пенсию. Чтобы набрать женщинам, надо, к сожалению, 38 лет, потому что зарплаты меньше, всякие там дети – не дети...

Главное, что эта бездумная, экономически необоснованная сдвигка возраста приведет к тому, что у нас страховая система потеряет последнюю свою институциональную основу. Мы вернемся к худшему варианту советской системы.

[00:15:01]

В советской системе пенсия была уравнивающей, но она имела критерий сохранения уровня жизни в трудоспособном возрасте. Коэффициент замещения колебался от 70 % до 90 % от утраченного заработка. Практически человек, ушедший на пенсию, получал ту же самую зарплату, с которой был.

Другое дело, что у колхозника она была маленькой, он и получал свои 40 рублей, а средний работник – и зарплаты у них были уравнивающие, они получали свои 115-120 рублей пенсии. И были счастливыми людьми на полном государственном обеспечении. Я имею в виду больницы, похороны, кладбища – все было бесплатное. Сейчас все старушки, как вы понимаете, собирают деньги на похороны и на могилу.

Теперь вернемся к тому, если все-таки эта история с возрастом пойдет, к каким последствиям она приведет. Демографические тенденции, конечно, есть. Они позволяют что-то делать, но все должно быть осмысленно. Я хочу показать вам, к чему приведет повышение пенсионного возраста в экономике.

Основной финансовый результат – это экономия на текущей выплате пенсий. Но эта экономия, которую обещают апологеты повышения возраста, завышена по их расчетам, как минимум, в 6 раз. Если они считают, если у нас новых назначений 2 с лишним млн человек, то они считают, что все новые назначения будут отложены. Но ровно половина новых назначений пенсий у нас идет на тех, кого заставить работать нельзя – это инвалиды и досрочники.

Армия досрочников у нас – 28 % всего трудоспособного населения, то есть каждый третий. Это работники бюджетной сферы – врачи, учителя, их у нас миллионная армия. Это работники вредных и опасных условий труда. Огромные льготы по продолжительности стажа у нас имеют многодетные матери и другие категории людей, участники всех этих событий, и так далее. Остается не более 1 млн человек, то есть как минимум в два раза меньше.

Более того, все эти льготные категории, которые все равно уйдут – у них пенсия все равно выше, чем у остальных, примерно в 1,3-1,4 раза. В результате экономия от повышения возраста будет – это если повышать возраст год в год, как предлагают известные граждане. Если повышать возраст более-менее цивилизованно, по полгода, соответственно, она в два раза меньше. Если повышать еще более цивилизованно, как это

№ 35. Круглый стол «Повышение пенсионного возраста в России – проблемы и решения. Есть ли альтернативы?»

делать в приличных странах, по 2-3 месяца в год, то это займет не 5-6 лет, как обещает альтернативная концепция, еще уменьшается. В результате это будет, если не грош с полтиной, то почти эта известная цифра.

Где же нам взять эту цифру, о которой мечтает наш министр финансов? У нас эта цифра может быть не то, что найдена одним легким движением, она уже даже провозглашена всенародным гарантом. Это цифра создания новых рабочих мест, причем, особо эффективных.

[00:20:01]

Эта картинка говорит, сколько людей в трудоспособном возрасте у нас не работают. Они не работают не потому, что не хотят, не потому что тунеядцы или алкоголики, а потому, что им не дали работу. И не только эффективную и высокопроизводительную, а никакую. Кроме бутылки паленой водки и садового участка где-нибудь, где там их раздают – на Сахалине? – больше ничего им не предлагается. Может быть, на ржавую лопату еще им дадут денег.

Посмотрите, сколько людей. Если они будут получать хотя бы среднюю или даже минимальную зарплату, то проблема с этими 300 млрд рублей в текущий бюджет будет решена в течение одного месяца. Создание этих рабочих мест позволит решить все финансовые проблемы.

Но как вы знаете, по прогнозам Минэкономки даже на три года идет сокращение рабочих мест. И эта политика сохраняется, как минимум, на будущие 20 лет, до середины 30-х годов.

Картинки говорят сами за себя. Вернусь к тому, где идет речь о продолжительности жизни. Наибольшее увеличение в нулевых возрастах – сократилась младенческая смертность, идет увеличение – и в средних возрастах, а в старших возрастах она в более чем два раза меньше.

Еще очень интересная картинка по материалам Всемирной организации здравоохранения, на каком месте мы стоим по продолжительности здоровой жизни. Между Тринидадом и Узбекистаном, 123-е место. Но еще веселее у нас положение – с женщинами получше, а с мужчинами вообще очень... Тимор и Сенегал составляют нам конкуренцию, 144-е место, которое мы занимаем по продолжительности здоровой жизни.

Посмотрите, какой возраст – 55 лет, это здоровый возраст у мужчин. Что такое здоровый? Когда человек утрачивает, по сути, трудоспособность, он, бедный, должен еще до 60 лет работать, чтобы получить хотя бы свою пенсию, и помучиться еще 20 лет, получая эту пенсию.

Что делать, для того чтобы не трогать этот институциональный параметр и достичь тех задач, которые поставлены перед пенсионной системой? У нас принят целый ряд хороших документов. У нас есть «Пять стратегий для развития пенсионной системы». Последнее – читаешь, и хочется чепчики бросать, хорошая стратегия. Три ПМП к 2030 году, куча достойных показателей, все хорошо. Но достижение каких три ПМП, когда уже сказали, что финансовый кризис привел к 1,5 ПМП?

Это показатель занятости, о котором я говорил. Три четверти населения у нас начинают выходить из трудового процесса в период 42-45 лет. Причем, я думаю, не по собственному желанию. А это влияние финансового кризиса 2014-2015 годов.

[00:25:02]

Красное – то, что было, та программа, конструкция, которая была бы. Кризис 2014-2015 годов привел к тому, что практически вполнину ухудшились все наши показатели. Я думаю, на пленарных заседаниях такие показатели не используют, там, в основном, были политические разговоры. Вот о чем надо говорить. А пенсионная система является стопроцентной производной от этого. Что можно сделать, если у нас вдвое ухудшились макропоказатели, если у нас безработица? Где человек может заработать себе трудовую пенсию?

Еще один наш вечный порок – это теневая экономика; за 2015 год, но в 2016-м еще хуже. Соотношение скрытой зарплаты с реальным фондом зарплаты в экономике. 57 %, две трети у нас теневой зарплаты. С одной стороны, это хорошо, значит, народ все-таки может как-то перебиваться. Это прогноз того, как, благодаря пенсионному возрасту, федеральный трансфер в пенсионную систему сокращается на половину процентных пункта.

Что делать? Надо менять тарифную политику. Но не снижать тариф, а повышать до того уровня, который позволит человеку формировать свои пенсионные права для достойного размера пенсии. Достойный размер пенсии – это не значит, что мы будем жить как немцы или англичане, или французы. У нас свое национальное понимание: чтобы хватило на крышу над головой и хлеб с водой.

Это так называемый коэффициент замещения, 40 %. В международных организациях он установлен как минимальный норматив социальных выплат – 40 % от зарплаты. У нас он сейчас где-то 33 %. Было 37 % в 2014 году, а к 2030 году, если ничего не изменится, он будет около 25 %. В принципе, жить можно. Но это только у тех, кто заработает трудовой стаж, а кто не заработает, и все самозанятые – не сформируют себе предпенсионных прав.

На этой позитивной ноте я хот ел бы закончить. Вывод один: пенсионный возраст не является источником экономии и не должен рассматриваться как инструмент регулирования бюджетных расходов. Он является параметрической характеристикой пенсионной системы. Но в конкретных макроэкономических, демографических условиях, которые существуют у нас сейчас в стране, трогать его не то, что не нужно, а нельзя трогать, потому что он приведет к необратимым институциональным последствиям.

Двигать возраст надо только тогда, и действительно это полезно и нужно – только в балансе с другими макропоказателями, с целью достижения целевых ориентиров, поставленных в стратегиях, в программах, в указаниях нашего всенародного Президента. Везде это написано. Но для этого надо что-то делать. Здесь написано, что надо для этого делать.

Спасибо большое за внимание! Предлагаю перейти к другому докладчику, это Добромислов.

[00:29:56]

Женщина 1: Я счастлива, что принимаю участие в этом мероприятии. (Нрзб.) (00:30:09) Аркадий Константинович, у вас, как всегда, замечательные презентации, замечательные расчеты. Я так понимаю, что оптимально, по подсчетам Пенсионного фонда, у нас должен быть тариф 26 %. Или он должен быть еще выше?

Аркадий Соловьев: Нет, это не оптимальный. Обязательства по текущему периоду 28 %.

Женщина 1: Это необходимый тариф?

Аркадий Соловьев: Да. Сейчас он у нас 22 %, остальное идет трансфертом из федерального бюджета. Часть – по покрытию (нрзб.) (00:31:19) работодателем, вторая часть – прямой трансферт по дефициту. Что такое 26 %? Если человек будет работать, стаж 35 лет, средняя зарплата, и тогда 26 % хватит, чтобы получить 40 % (нрзб.) (00:31:48). Это актуальный баланс, это вопрос средней зарплаты, 35 лет стажа, тогда 26 %. А сейчас обязательства 38 %.

Женщина 1: Скажите, пожалуйста, Пенсионный фонд что-нибудь считал?

Аркадий Соловьев: Мы считаем вообще все.

Женщина 1: Насколько эффект будет? Если базовая часть пенсии не будет выплачиваться, какой будет эффект? Либо если страховую сокращать? Это хотелось бы узнать.

Аркадий Соловьев: На это уже ответил.

Людмила Ржаницына: Хотелось бы уточнить про 38 %. Это с учетом того, что у нас есть ограничение по оплате, начислению. То есть считают, что после этого – 10. По этой базе, а 10 сверху.

Людмила Ржаницына: Стратегию не реализуют теперь? Не выполняют?

Аркадий Соловьев: Никто не реализует. Если сдвинем возраст, тогда все поедет. Пока от стратегии никто не отказывается.

Константин Добромислов: Аркадий Константинович изложил достаточно известный монетарный подход к развитию пенсионных систем. Все, в общем-то, к нему так и подходят, считая только экономические составляющие, которые входят в пенсионную систему, дебет с кредитом, и дальнейшее развитие пенсионной системы. На самом деле моделей экономического развития пенсионной системы в долгосрочной перспективе построено уже достаточно много.

Вопрос этот мы обсуждаем уже почти четверть века в новой России, с начала ухода от социализма. Тенденция развития вполне очевидна. Сейчас вам были представлены практически все факторы, которые влияют на пенсионную систему, зависимость того, как она будет развиваться. На сегодняшний день становится очевидным, что такой подход и такое видение развития пенсионной системы ведет в никуда.

Вчера в Высшей школе экономики прошло очень интересное обсуждение развития пенсионной системы. Было представлено двумя докладчиками два доклада. Один докладчик из Польши – Агнешка Хлон-Доминчак, и другой докладчик – из Всемирного банка.

[00:34:59]

Там точно такой же монетарный подход, докладчик – Зоран Анушич, где убеждалось совершенно обратным, что выхода нет, надо повышать пенсионный возраст; это

идеология Всемирного банка. Реально такие подходы на самом деле не работают. Я задал такой вопрос: не считают ли наши коллеги, что все обсуждаемое напоминает обсуждение генерала подготовку к прошедшим войнам?

То есть условия, которые мы сегодня рассматриваем, а мы рассматриваем исключительно инерционные варианты развития системы, и только на базе этих инерционных вариантов делаем различные расчеты. Понятно, что в таком варианте мы придем к ужасающим выводам и никуда не придем. Те экономические параметры, которые будут нам рассказывать – да, действительно обеспечить пенсионные системы никого не смогут, во всех странах.

Предлагалось несколько вариантов развития пенсионных систем. Есть распределительная пенсионная система. Был очень интересный доклад по накопительным системам, в котором сделала вывод представитель из Польши Агнешка, что во всех странах накопительные компоненты оказались неработоспособными.

Меня несколько огорчило то, что над многими странами были поставлены, я бы сказал, ужасные эксперименты по внедрению этого накопительного компонента. В результате пришли в никуда. Можно ли было этого избежать? Конечно, можно было, если бы наши коллеги прочитали труды русских актуариев, которые были написаны почти 120 лет назад.

Там были сделаны точно такие же выводы, и в конце позапрошлого века – в начале прошлого века в доме велись точно такие же беседы, точно такие же дебаты по поводу необходимости накопительного компонента. Там были два достаточно крупных актуария – Савич и Рудановский, которые вели споры. Рудановский вполне доказал, что накопительные системы финансово нежизнеспособны в тех объемах, в которых их предлагается внедрять в странах.

Почему? В чем заключается проблема финансовой несостоятельности? Опять многие вдаются в разные подробности. Страховой тариф не тот, кто должен платить, какова должна быть пенсионная схема, правильно ли работают негосударственные пенсионные фонды, или государственные пенсионные фонды. Все это детали.

Суть заключается в единственном элементе, который влияет на развитие всех этих систем, при всем разнообразии, которое сегодня существует. На сегодняшний день, как и сто лет назад, в мире пока не созданы те самые холодильники, в которых можно хранить деньги в долгосрочной перспективе.

Отсутствие элементарных инвестиционных проектов и тех инвестиционных инструментов, в которые можно было бы вложить эти деньги и получить доходность, решают вопрос нужности или ненужности, возможности или невозможности финансовой, функционирования этого компонента. Нет сегодня этих обширных инвестиционных проектов.

Нам иногда говорят: ой, накопительная пенсия – это долгосрочная инвестиция, нам нужны деньги. Да не нужны нам сегодня деньги! И никому они сегодня не нужны. Этих денег в мире хватает, их больше чем достаточно. Другой вопрос – некуда их вложить. А что за этим следует? За этим следуют различные махинации с этими деньгами, создание деривативов, надувание финансовых пузырей – что нам показывает 2008 год – когда они начинают схлопываться, и все финансовые структуры рушатся.

То есть построение элементарных мировых финансовых пирамид во всем мире. Все страны сегодня, особенно в Восточной Европе, которые прошли через этот накопительный компонент, возвращаются к государственному пенсионному страхованию. Основной риск, который присутствует в накопительном компоненте – это инвестиционный риск.

[00:40:05]

Хороша ли в этом плане распределительная система? Возникает вопрос, куда же податься. А податься нам сегодня некуда. Мы с вами видим, что демографический фактор в солидарно-распределительной системе не менее важен, чем в накопительной системе. Сегодня количество работающих у нас сокращается, а количество нетрудоспособных, или иждивенцев, растёт.

Но это инерционный сценарий, а нам надо смотреть, что будет через 30-40. а то и 50 лет. Вчера об этом говорили на пленарных заседаниях – о том, что будет совершенно меняться мир, меняется структура занятости, виды трудовой деятельности. Сегодня Аркадий Константинович правильно сказал, Минэкономки дает прогнозы, что занятость будет снижаться.

Почему? На самом деле в мире не нужно такое количество людей, которые будут производить полезный продукт. Растут технологии, изменяются. Не сегодня-завтра не будет нужна профессия водителя – машины будут ездить сами. Не сегодня-завтра не нужны будут юристы – на простые вопросы уже отвечают машины. Не нужны будут экономисты – сегодня вы уже приходите к банкомату и без обычного оператора банка получаете деньги и совершаете все необходимые платежи и операции.

Людмила Ржаницына: Это не экономисты.

Константин Добромислов: Это не экономисты, операционисты, да. Но эти простые виды деятельности в экономической области, в юридической области, в области управления транспортом – это будет отпадать. Там занята основная масса людей, на простых работах. Меняется характер труда, сокращается. Так к чему же мы придем?

Людмила Ржаницына: К (нрзб.)(00:42:17) гарантированному доходу, уже все ясно.

Константин Добромислов: Совершенно правильно. Скорее всего, сегодня мы ищем не там, где потеряли, а там, где светло. То есть все наши изыскания, которые нам предлагаются, все наши исследования направлены совершенно на другое, а не на то, чтобы действительно искать эффективные методы обеспечения человека.

Мы сегодня говорим о системе обязательного социального страхования, то есть по существу – об общественном договоре внутри государства, который должен обеспечить людей, не занятых трудовой деятельностью. Я не говорю, способных или неспособных трудиться, но это тоже важно. Об этом было сказано сегодня. Здоровый образ жизни, меняется этот характер.

Возможно ли функционирование нашей пенсионной системы сегодня? С точки зрения законодательства – возможно. Я бы сказал, что те фундаменты, которые заложены сегодня в пенсионной системе, позволяют ей функционировать и дальше. Не только характер труда меняется. Меняется отношение к здравоохранению, человеку уже можно неограниченно долго поддерживать жизнь, можно заменить суставы, внутренние органы,

№ 35. Круглый стол «Повышение пенсионного возраста в России – проблемы и решения. Есть ли альтернативы?»

глаза. Единственное, что пока нельзя заменить – это мозги. Все остальное практически меняется у человека. Но способен ли будет человек после всех этих замен трудиться?

Людмила Ржаницына: И останется ли человеком?

Константин Добромыслов: Человеком останется, наверное, потому что есть сознание. Это философский вопрос, кого считать человеком. То ли одну голову, одни мозги, то ли тело – оболочку, в котором он находится. Здесь вопрос гораздо серьезнее, чем он есть.

Нам сегодня надо думать, какая будет пенсионная система, надо ли ее сохранять в том виде. Должно ли это быть то монетарное страхование и тот монетарный подход, который сегодня мы все с вами так горячо обсуждаем и пытаемся как-то поправить? Наверное, нет. Наверное, нам нужно переходить к совершенно иным системам обеспечения людей какими-то доходами, либо в старости, либо в молодости.

[00:45:08]

Основным параметром здесь день возникает – на сегодняшний день сам пенсионный возраст уже отпадает – это стаж. Стаж страховой получается. Что происходит, если мы на ось времени разложим деятельность человека? У нас сдвигается участие человека в трудовой деятельности по возрастам в большинстве случаев. Человек должен получить образование.

Если раньше не надо было учиться уже в 15 лет, тебя в поле пускали, к лошади ставили, и паши, то сегодня, пока человек получит какое-то образование, уже подходит к 30 годам. Хотя и в обратную сторону движется. Мы видим, есть уникальные профессии в творчестве – дети тоже выступают на сцене и получают за это деньги в 7-8 лет.

Все-таки на передний план здесь выходит страховой стаж. Для чего он нужен? Якобы для справедливого распределения тех пенсионных обязательств, которые будут. Но возможно ли это в наших условиях для всех, при той заработной плате, при той системе оплаты труда, которая сегодня существует? Опять мы упираемся в монетарный вопрос.

Нет, если будут сохраняться такие же подходы к системе оплате труда и недооценка уровня труда, то понятно, что эта дорога будет вести в никуда. Я думаю, профессор Ржаницына правильно сказала, как это будет происходить. Скорее всего, надо будет делать гарантированный доход, а дальше, плюс к этому гарантированному доходу, придется дополнять еще какие-то дополнительные выплаты.

Пока общество не договорилось, пока еще в головах у людей нет, на каких принципах это перераспределение дохода и общего национального богатства будет осуществляться. Но я думаю, что эти вопросы стоят на повестке дня. Вот о чем думать. Спасибо!

Людмила Ржаницына: Константин, скажите, какая позиция профсоюзов? Вы же в значительной мере недоговариваете. Если вы сейчас говорите о том, что надо эту систему рушить в целях лучшего, так может быть, ничего не будет вообще?

Константин Добромыслов: Вчера я услышал очень интересное заявление Лилии Овчаровой, которая сейчас работает в Центре стратегических разработок у Кудрина. Она сказала нам, что зреет новая пенсионная реформа. Скорее всего, это – да.

Женщина 1: Кудрин давно предсказал ее.

Константин Добромислов: Если говорить о позиции профсоюзов, то она вполне понятна, что сегодня никакие параметры пенсионной системы трогать не надо.

(нрзб.)(00:48:19 – 00:50:40)

[00:50:39]

Людмила Ржаницына: По возрасту моя позиция простая: только идиоты могут в условиях кризиса могут рушить большие системы. Другого определения просто не могу найти. Но есть у меня и некоторые научные соображения, не в отношении вас, а в отношении пенсионеров. Дорогие мои коллеги, надо забыть, что пенсионеры – это только пенсия. Давно пора, и я уже пыталась где-то опубликовать, что пенсионер – это обычный гражданин, у которого все есть, все проблемы, которые есть у всех остальных. А что касается материального положения – тем более.

Если вы посмотрите на бюджет пенсии онера, вы увидите, что пенсии сейчас, особенно у работающих, занимают 35 %. Все остальное – или заработок, или помощь детей, или подсобное хозяйство, и так далее. Мне очень хочется, чтобы мы наконец взглянули на пенсионера вполне комплексно, а не только как на часть, очень важную, пенсионной системы.

Я вам скажу, почему. Можно биться за эту самую пенсионную систему серьезно и глубоко. Но я сейчас вижу, что происходит на самом деле с положением пенсионера, если не считать только проблему пенсии, а посмотреть на его положение в целом. Сейчас, как вам известно, принят новый подход к социальной политике. Кроме малообеспеченности, считается имущественная обеспеченность.

А я подозреваю, что пенсионеры – это наиболее имущественно обеспеченные люди, поэтому они пострадают в значительной мере больше, чем дети. Хотя начали с детей, потому что дети и мамы не выходят на демонстрации, а пенсионеры уже вышли на демонстрации, потому что у них стали отнимать социальные льготы.

Доплаты к пенсиям – я прошу прощения, там же не только федеральные, на все федеральные вещи нет покушения. Дали распустить руки регионам, причем, безумным образом. До сих пор Минтруд не утвердил методологию подхода к имущественной оценке. Кстати, в этой методологии правильно написано, что надо считать доход от имущества, а не имущество. Другое дело, что проверять доход надо, как говорил господин Петросян, он все время мечтал иметь социальную полицию у нас.

Тем не менее, понятно с любой точки зрения: конечно, человек должен отчитаться за доход. А сейчас что придумали? Чтобы отказывать, придумали учет имущества как таковой. Я вам пришлю ту схему, которую заполнит каждый москвич (я по Москве видела это все) в августе. Сейчас еще тихо, а в августе они придут за социальной помощью.

С детьми все вообще кошмарно, простите, что я обращаю ваше внимание. В Москве 265 000 детей, которые получают детские пособия и находятся под угрозой. Думаю, что пенсионеров – не меньше, потому что московская доплата. Вы знаете, в чем прелесть московской доплаты? Дело в том, что в Москве зарплата 69 000. Понятно, да? Пенсия такая же, она же начисляется примерно одинаково для всех – 13 000-14 000.

Какой коэффициент замещения пенсии? Может вообще пенсионер жить при таком коэффициенте замещения пенсии и ходить даже в «Пятерочку»? вынуждены были этот

социальный минимум поднять. Сначала это были Лужковские 12,5, теперь 14,5. Четыре года я выбивала – я эксперт Московского общественного совета, который сейчас разгромили. Была Палата, теперь Совет, теперь снова Палата. Кузьминов туда пришел как защитник прав трудящихся и нетрудящихся, и я думаю, уже и это дело погребло. Когда пришел Собянин, он занимался чем угодно, но эти 12 000 он держал четыре года.

[00:55:00]

Вот только-только, было 12,5, теперь 14,5. Рост цен – вы же понимаете, можно сколько угодно верить Росстату, особенно если сейчас его передадут Министерству экономики, вообще чудесные цифры будут по инфляции. На самом деле вы же понимаете, что инфляция гораздо выше, и она как раз по тем статьям, по которым пенсионер больше всего страдает – это продовольствие и жилье.

Я предлагаю новый инструмент – изучение положения пенсионеров. В связи с тем, что у нас даже правительство приняло решение переходить на программно-целевые бюджеты, я считаю, что надо строить программно-целевой бюджет пенсионера. То есть посчитать все, что он получает. Зачем? На следующий год, когда у вас прибавят пенсию, но заберут социальные льготы, вам будет понятно, как изменилось положение пенсионеров.

Я сделала такую схему. Она очень сложная, прошу прощения, в связи с отсутствием информации. У Аркадия Константиновича снега зимой не выпросишь, хотя он все-таки владеет очень большим. А наш брат, железнодорожник, ковыряется в росстатовских делах, тут я нашла бюджеты, и хоть немножко стало легче. Обращаю внимание, что Росстат провел в 2013-2015 годах два учета. Один называется «Доходы населения», а другой – «Социальные льготы, выплаты». И там есть пенсионеры, но там только федерация.

Интересен, конечно, уровень региональный, в Москве, например. Но если вы захотите Москву, там вы этого не найдете. Почему? Потому, что, Аркадий Константинович, не только пенсионер – источник экономии и спасения бюджета, но и статистика. Если уж есть на чем экономить, так это на статистике. Выборка такая ужасная, что статистики стесняются показать регионы. У них еще какая-то профессиональная озабоченность в этом смысле есть.

Я предлагаю перейти к демонстрации положения пенсионера, с учетом всего того, что он сейчас получает, с его места в социальной политике, и как ни странно, в распределительных отношениях. Вы же знаете, какое главное покушение сейчас идет? На зарплату работающих пенсионеров. Поэтому нам очень важно не пользоваться отдельными отрывочками, а именно создать такую модель, которая позволяет результативно и доказательно показывать, что происходит с положением пенсионера.

Господа, надо везде писать, что то, что сейчас приняли по имуществу... Я 60 лет занимаюсь социальной политикой. Окончила экономический институт, и господин Аганбегян взял меня – он был тогда начальником отдела – в Минтруда (Комитет по вопросам труда был тогда). Я стала заниматься социальными делами. С тех пор такого, как случилось сейчас, я не видела. Поэтому очень прошу вас, посмотрите, ознакомьтесь.

Причем, это не федеральные вещи, федеральные не тронули, несмотря на то, что закон федеральный. Сейчас идет разгром социальной политики на региональном уровне. А почему это тяжело и плохо? Вы знаете, что в 2004-2005 годы была социальная реформа,

№ 35. Круглый стол «Повышение пенсионного возраста в России – проблемы и решения. Есть ли альтернативы?»

все социальные вещи отданы на региональный бюджет, на региональный уровень. Поэтому, боюсь, что Аркадий Константинович, даже если три копейки к пенсии прибавят, все равно положение пенсионеров резко ухудшится. Нам нужно на это обращать внимание. Спасибо!

Аркадий Соловьев: Переходим к следующему докладчику. (нрзб.)(00:59:00), расскажите нам, что вы думаете про пенсионный возраст.

Мужчина: Вы здесь сказали, что якобы нужно повышать страховые взносы работодателям до 38 %.

Аркадий Соловьев: Я не говорил этого.

Владимир Дектерев: Нет, вы сказали: для того чтобы нынешние обязательства исполнить, нужно повысить до 38 %. Посмотрите, что такое нынешние обязательства. Я хочу привлечь внимание нашего юриста. Пенсионный фонд – он разве только страховые пенсии выплачивает?

[01:00:00]

Из зала: Остальные выплачиваются за счет федерального бюджета.

Владимир Дектерев: Вот именно. То есть федеральный бюджет должен платить за что? За материнский капитал, за пенсионные права тех, кто работал в советское время и в наше время, до того как ввели персональный учет страховых взносов. Я уж не говорю о досрочных пенсиях, и так далее.

Константин Добромислов: Напрасно. Материнский капитал, всякие социальные – в этих 38 % они не сидят. Досрочные – сидят, а вот эти – нет.

Владимир Дектерев: Я просто хочу сказать, что они хотят экономить бюджетные деньги. Говорят, что 2 трлн рублей они доплачивают Пенсионному фонду. Но они должны доплачивать, и должны доплачивать больше. Тут и государственные пенсии, и пенсии военнослужащим – это все государство должно показывать не за счет страховых взносов. А оно пытается все это страховыми взносами оплатить. Пытается, требует.

Я напомним вам одну вещь. Прежде, после последних пертурбаций, была такая система. Государство должно было оплачивать из своего бюджета базовую пенсию. Из страховых взносов должна была доплачиваться страховая пенсия. Плюс, придумали еще накопительную. Я о ней говорить не буду, вы о ней уже говорили. Но потом сделали так, что базовая пенсия стала базовой частью страховой пенсии. То есть, грубо говоря, из страховых взносов стали платить то, что государство должно было платить само.

В принципе, государство должно доплачивать Пенсионному фонду не 2 трлн рублей, а по меньшей мере 3-4 трлн. Это к юридической стороне вопроса.

Людмила Ржаницына: Так они налоги сейчас и предлагают сейчас брать с пенсионеров. Вот и все в порядке.

Владимир Дектерев: Теперь работающие пенсионеры. По статопросам это половина, по данным профсоюзов – треть. Пенсии у нас сейчас официально – около 25 % зарплаты. То есть каждый работающий пенсионер еще и содержит 2-3 пенсионера. Он сам содержит. У какой-то доли пенсионеров зарплата ниже, и так далее. Но в любом случае, работающий пенсионер дает государству...

Представьте себе, чтобы заплатить работнику 1 рубль, предприятие должно заплатить государству 77 копеек налогов. Чтобы заплатить 1 рубль, ему должны начислить 1 рубль 15 копеек. Тогда, после вычета НДФЛ, у него останется 1 рубль.

Аркадий Соловьев: Давайте вернемся к возрасту. У нас секция по возрасту.

Владимир Дектерев: Понятно, но это все – связанные вещи. Это же не берется ниоткуда. Откуда возникла тема возраста? Нет, мол, у государства денег. Вернемся к деньгам, что якобы нужно повышать пенсионный возраст, для того чтобы работающие могли содержать пенсионеров. По крайней мере, так это формулируется, для чего нужно повышать.

Если мы возьмем 2015 год, по 2016 году данных пока нет, то на выплату всех пенсий – и государственных, по потере кормильца, и прочих – Пенсионным фондом было потрачено 6 трлн рублей, что составляет 7,2 % валового внутреннего продукта. Еще 18,5 %, если судить по подсчетам Пенсионного фонда, приходится на заработную плату, будем говорить, на «светлую» заработную плату.

Итого пенсионеры и работающие вместе получают примерно $\frac{1}{4}$ ВВП, 25,7 %. $\frac{3}{4}$ куда уходят? И есть ли возможность из этих $\frac{3}{4}$ нашего создаваемого ВВП хоть какую-то часть направлять на повышение зарплат, на повышение пенсий?

В стране 132 000 долларовых миллиардеров и миллионеров. Как они проматывают эти деньги, всем хорошо известно. Скажем, тот же Мельниченко: была у него яхта за 320 млн долларов – решил построить еще одну за 540 млн долларов. Деньги в стране и для повышения зарплат, и для повышения пенсий очень большие, только они все проматываются людьми, которые, извините, сами не работают, они просто ведут паразитический образ жизни. Подавляющее большинство этих 132 000 долларовых миллионеров и миллиардеров.

Поэтому сам вопрос о повышении пенсионного возраста с экономической точки зрения смешон. Нет никаких оснований, нет никакого предмета для такого рода заявлений.

Ольга Александрова: У меня, правильнее, сказать, не доклад, а сообщение. Я не специалист в пенсионной проблематике, поэтому буду заходить с других сопряженных сторон, связанных с занятостью, с рынком труда, с работой социальной сферы, и так далее. Аркадий Константинович уже много сказал про демографические показатели. Я решила поэтому подойти методологически.

Известно, есть implementation research – парадигма. Успех реформы в социальной сфере из чего складывается? Из концепции, из оргструктур, которые ее реализуют, и из ожиданий субъектов, которых она затронет.

Начнем с концепции. Там, где есть концепция, должны быть мотивы проведения, целеполагание. Как я поняла, и уверена, что Аркадий Константинович в данном случае все верно там доложил, цель не артикулируемая, но реальная, а именно экономия на выплатах, не достигается или ничтожна.

Давайте посмотрим артикулируемые цели. У нас такое старение, что на одного молодого с сошкой скоро будут десять пенсионеров с ложкой. Хотя на самом деле пропорции не такие, там 2-2,5 к 2010 году. Но на самом деле, как верно говорил коллега из профсоюзов, грядет роботизация. Южная Корея поставила к 2022 году цель выйти в лидеры

робототехники, а Китай со своими масштабами этими роботами заполнит весь мир, включая даже и Россию.

Нам говорят, что нет кадров. А они и не появятся там, где их нет. Я объясню, почему нам говорят руководители предприятий, например текстильных: придется проводить модернизацию, потому что кадров не найти. Хорошо, тут будет работать роботы. Причем, они все в более и более сложных операциях участвуют, и в мелкосерийном производстве, и так далее.

Там же, где нужен человек, у нас происходит сокращение. У нас сокращают учителей, врачей, все с той же неартикулируемой целью экономии. У нас сокращают, предъявляя требования к снижению возраста, в науке, у нас этот эйджизм торжествует. И так далее.

Казалось бы, там, где люди нужны, где их можно было бы задействовать, их там нет. Допустим, говорят: у нас промышленность задыхается без кадров. Но мы только что провели исследование «Трудовой потенциал как объект стратегического планирования» в семи регионах.

[01:10:04]

Разговаривали с руководителями предприятий, отраслевых ассоциаций, местных торгово-промышленных палат. И не будет. Цепочка, замкнутый круг, совершенно очевидный. Низкая рентабельность реального сектора экономики, не могут предложить конкурентоспособную зарплату по своим профессиям, эти профессии становятся невостребованными молодежью.

Система профобразования, которая живет на подушевое финансирование, закрывает направления подготовки, и теперь у нас только повара, автослесари и парикмахеры. Нет кадров. Бизнес видит, что кадров нет, горизонт планирования у него – один год, модернизировать ему смысла нет, только разве чтобы никогда не искать больше кадров. Круг замкнулся. Таким образом, это я не увидела.

Второе: нет денег, не хватает в пенсионном фонде. Аркадий Константинович уже сказал про низкие зарплаты. Понятно, это политика с 90-х годов. Я помню строчку из журнала «Эксперт», статья называлась «Левый поворот в русский капитализм не впишется», что будем экономить на наемном труде. Что и продолжаем делать, регрессивная шкала.

Большой теневой сектор? Да. Но, может быть, скажет юрист – это лежит совершенно в другой плоскости. Размеры теневого сектора зависят от работы государственно-политического механизма. Мы смотрим на скандинавские страны, которые платят высокие налоги, но у них вся государственно-политическая система выстроена таким образом, что тот, кто их платит, не чувствует себя идиотом, единственным дураком, который это платит, или несоразмерные налоги, и так далее.

Я вчера на нашей секции сказала, что у меня даже вышло несколько публикаций, где я говорю, что «денег нет» – как искусственный предлог нового витка демонтажа социального государства. Но у нас миллион хорошо известных, апробированных, всюду в цивилизованном мире используемых инструментов. Мобилизация средств в бюджет не используется, и также не используется целый ряд инструментов, не позволяющих, отсекающих отток ресурсов, капиталов.

Последнее, что я хотела бы сказать. Все происходит в рамках социального контекста. Эти несчастные женщины, которые живут дольше, чем мужчины, и особенно являются

нахлебницами – ведь они еще исполняют кучу социальных функций, неработающих социальных институтов, которые в условиях такой резкой коммерциализации социальной сферы актуализируют их роли.

Продленка платная – не все будут платить. Кто будет сидеть? Бабушка. Социальное обслуживание резко коммерциализируется – кто будет ухаживать за престарелыми? Вот эта женщина, которую – да ее никто не оставит на работе, а если она остается на работе, она не сможет работать с социальными институтами.

Таким образом, чисто методологически подойдя к этому вопросу, я поняла, что здесь нет никаких хотя бы минимально приемлемых оснований для проведения такой реформы. Кроме, может быть, каких-то невидимых нам мотивов, о которых мы даже не догадываемся. Спасибо!

Людмила Ржаницына: В моей жизни (нрзб.) (01:13:35) говорил в защиту аспирантов: «Самое главное – посадить зайца. Пусть ученый совет обсуждает этого зайца, а вы в это время спокойно доложите, что вы там сделали, и он проголосует». Этот тот случай. Это не социальное, не экономическое, это просто политическая штука, которую придумали, для того чтобы всем нам сосредоточиться на этом, и разоблачать, что это сделали не мы, вместо того, чтобы идти вперед.

Аркадий Соловьев: Может быть. Я предлагаю сосредоточиться на том, что я сказал вскользь. Добромислов развил посильнее, о том, как перестраивать пенсионную систему. Это не значит, что сильно, а может быть, радикально менять, в контексте не только нашего национального бюджетного кризиса, но и в контексте грядущей цифровой экономики, о которой сейчас говорят даже на втором этаже.

[01:15:01]

В перерывах между политическими сварками они говорили о необходимости перестройки всей экономики, а для пенсионной системы это действительно главная проблема.

Мужчина: (нрзб.) (01:15:17)

Аркадий Соловьев: Да, поэтому хотелось бы услышать ваше мнение. Со своей стороны, я хотел бы сказать, что все их конструкции порочны в одном. Человека и весь его человеческий потенциал рассматривают – эта концепция «Вышки» и РАНГХиСа. Человек – это рабочая сила, он с неба падает в 20 лет, и также возносится в 60. Он исчезает как класс, как только теряет свою трудоспособность. Большой – значит, это уже не человек и не человеческий капитал. Откуда он появляется у него – это тоже забота его, а не государства, и тем более уж не нашего Мельниченко, которого упомянули.

Но это ведь не так. Мы говорим, пенсионный – один с сошкой, 10 с ложкой. Да хоть 200, хоть 1 млн. Человек – это не только это, это и дети, и старость. Все вы были на Западе. Там каждый второй по виду, которого встречаешь на улице – это уже человек, далеко за пенсионный возраст. 80 лет – это еще, можно сказать, девушка-ягодка, и путешествует, и отдыхает, и получает удовольствие. Что, жизнь кончилась в 60? Не кончилась.

Вопрос не в этом. Пенсионная система, даже страховая – я не уверен, что нужно переходить на фиксированный доход, всем одинаковый, и он не может быть другой. Сама постановка этой задачи, и страховая система тоже может быть ориентирована на то, что человек должен обеспечивать себе большую старость. Они же интеллигентно называют это не «старость», а «третий возраст».

№ 35. Круглый стол «Повышение пенсионного возраста в России – проблемы и решения. Есть ли альтернативы?»

Какое у них соотношение? Я напоминаю, 20 лет – это у них, что называется, дети, 30 лет – трудовой стаж, и 25-30 лет – это сейчас, статистика средних мужчины и женщины, практически столько же лет. У нас какое соотношение? 38 лет – пенсия на старость, хотя при этом тарифе 38. У мужчин – 12 лет дожитие, и у женщин – от 55-ти, 23,5. Так ну и что, пусть будет больше. Значит, надо менять соотношение, значит, меньше надо людей, работать. Человек – это не лошадь, которая там ходит.

Константин Добромислов: Экономически не надо, чтобы столько людей работало. (нрзб.) (01:18:36)

Людмила Ржаницына: Про нас-то знаешь, у нас все должны работать.

Аркадий Соловьев: Не надо нам дети в Африке, мы должны своих старух обеспечить.

Константин Добромислов: (нрзб.) (01:18:49)

Аркадий Соловьев: Отдайте то, что заработано пенсионерами. Кого перераспределять? Вам кто, Абрамович отдаст, что ли? Вопрос не в этом. Свое пусть отдадут, свое, заработанное в страховой системе. Почему нельзя на солидарную, на ту, которая доходы – потому, что никто из этих граждан не отдаст свою яхту, пятую, десятую. Надо только свое.

У нас рынок. Или надо тогда отказываться от рынка, и делать, как в Китае. Они уже ежегодно на 200 млн увеличивают число застрахованных работников. У них уже 1 млрд 200 тыс. пенсионная система.

Константин Добромислов: (нрзб.) (01:19:44)

Аркадий Соловьев: Много что можно сделать. Надо сокращать трудовой процесс, сокращать время занятости. Больше машин – значит, меньше работать, оснащать людей. Говорят, производительность труда у нас падает.

[01:20:01]

Это я говорю, чтобы вас немножко заинтересовать этой проблемой, а не так, что говорит нам Всемирный банк с «Вышкой», не буду называть фамилии. Мы же не покемоны, чтобы нами так жонглировать. Надо свою концепцию делать. Отказались от советской системы пенсионного обеспечения, в один день все поменяли. Вот где преступление было совершено.

Вчера у вас обсуждали, вспоминали 10 лет. Да какие 10, это 5 лет. Начало 90-х, когда приватизировали фонды общественного потребления, когда продали, точнее, раздали все тому, кто первый ухватил.

Людмила Ржаницына: (нрзб.) (01:20:47)

Аркадий Соловьев: Давайте подумаем в этом направлении. Посмотрите, сколько сюда пришло. Притом что ежедневно – я вынужден этим заниматься – ни разу, ни одного дня не было, чтобы я не прочитал слово «пенсия» с известными фамилиями, о том, что надо что-то делать. А здесь сколько? А там, где политическая демагогия – там залы ломаются. У общества нет альтернативы пенсионной системы.

Людмила Ржаницына: Есть у господина Назарова.

Аркадий Соловьев: Но он не здесь, он именно там. Он предлагает то, что велит Всемирный банк. Что может быть? Это, как говорится, что у умного в голове, то у

известного на языке. Поэтому есть апологеты, которые за деньги, да и не он, а буду называть более важные фамилии, могу перечислить.

Давайте подумаем над этим. Ольга Аркадьевна, я думаю, что ваш институт – я не знаю, как НИИ труда, который молчит. У нас не так много социальных институтов, которые могут хоть какую-то консолидированную позицию высказать. В МГУ тоже ничего нет. Поэтому только на нас с вами надежда, чтобы сформулировать хоть что-то.

А это действительно очень важный вопрос. Я в последний раз был в МАСО и в МОТ, центральная задача – переход на цифровую экономику. Нам с вами, с нашими киргизами с ржавой лопатой, далеко до этой цифровой экономики.

Константин Добромислов: Я думаю, не так. Может произойти скачок.

Аркадий Соловьев: Не верю в скачок. Пока у нас есть бесплатная рабочая сила с лопатой...

Константин Добромислов: Мы не выпадем из общего тренда.

Аркадий Соловьев: Можно говорить сколько угодно, но выйди на улицу – и споткнешься о лопату, и нигде нет цифровой экономики. Компьютеры не работают, сетей нет, интернет – вообще неизвестно что. Не понимаю, где у нас цифровая экономика. Начнется с пенсионеров вся экономика, и на них же и закончится.

Первым в дискуссию у нас записался господин Шерстнев.

Вячеслав Шерстнев: Я очень коротко. Так получилось – специально или не специально – что все здесь присутствующие против повышения пенсионного возраста, включая меня. Но что за дискуссия, когда все собравшиеся «за»? Можно было начать собрание с вопроса, кто «за», все бы подняли руки и пошли обедать. Что обсуждать, когда все согласны? Поэтому я в некотором смысле выступлю в качества «адвоката дьявола», хотя сам-то я против.

Начнем с того, почему никто не упомянул про простой, уже свершившийся, факт, что пенсионный возраст уже для значительной категории наших граждан подняли. Его подняли военным служащим на 5 лет и госслужащим.

Людмила Ржаницына: Это растянули на много лет.

Вячеслав Шерстнев: Нет, военным служащим уже подняли, это просто факт.

Людмила Ржаницына: Принято решение – по полгода, извините.

[01:25:01]

Вячеслав Шерстнев: Вы говорите по процедуре, а я говорю про сам факт. Подняли? Подняли. Я не помню, сколько военным служащих и госслужащих, это сколько-то миллионов. Поэтому факт уже налицо.

Что касается аргументации. Самый аргументированный доклад был у Аркадия Константиновича, поэтому я к нему придираюсь и буду. Основные два аргумента из тех, что я увидел, были следующие. Ожидаемая средняя продолжительность жизни пенсионеров увеличивается незначительно, приводились цифры 2,5 года. Это абстрактно, тем более для неактуария, это какие-то смешные цифры. Ну, что там 2,5 года? 60 лет пенсионный возраст, а тут 2,5 года.

На самом деле здесь есть некая хитрость для тех, кто не понимает, о чем идет речь. Средняя ожидаемая продолжительность жизни – это математическое ожидание некоего вероятностного распределения, и увеличение нужно рассматривать не в годах. Чтобы понять, много это или мало, его нужно рассматривать не в абсолютной величине, а в процентах.

Увеличение в 2,5 года на 15 годах – это 17 %. Это очень много. Что это означает, в переводе на простой язык? Если рассмотреть вероятностные распределения смертей по годам, это означает, что вероятность смертей уменьшилась по году на 20 %. Это очень много.

Людмила Ржаницына: Это за счет уменьшения детской смертности.

Вячеслав Шерстнев: Нет, речь идет про оставшуюся жизнь пенсионеров. Там никакой детской смертности нет. Имеется в виду, что если умирали 1 млн пенсионеров, то сейчас умирают 800 000. Это очень много. Сказать, что это ни о чем и никак не влияет – такая аргументация отбивается очень легко.

Дальше приводился интересный слайд по поводу лет здоровой жизни. Так получилось, что я знаком с этой таблицей, мои коллеги изучали ее составляющие. Помните, была таблица, где Россия была по этим «здоровым» годам где-то на предпоследнем месте.

Дело в том, что в таблице, которая приводилась, в этот конкретный год – этим занимается специальный фонд, которому Билл Гейтс дает деньги, в Америке – так получилось, что именно в этом конкретном году, из-за изменений в сборе информации (они там как-то по-хитрому информацию собирают), Россия скатилась на несколько десятков мест. Именно в этом году.

Если взять за 10 лет до того, там мест о совсем не такое. Если посмотреть по другим показателям, понятно, что у нас живут явно дольше, чем в Узбекистане, который стоит выше.

Женщина: А если брать не предыдущие годы, а последующие?

Вячеслав Шерстнев: То, что приводилось – из последнего опубликованного, 2014-й, какой-то из этих.

Женщина: За 2017-й, 2016-й статистики нет?

Вячеслав Шерстнев: Нет, там как-то очень по-хитрому собирается. Я до конца не помню, но она собирается не из Госкомстата.

Женщина: Тенденция интересная. Если это скатилось, дальше она вниз пойдет?

Вячеслав Шерстнев: Она вниз пойти не может, потому что это конец. То место, где у них сейчас Россия стоит – это конец.

Женщина: Нет, это не последнее место.

Вячеслав Шерстнев: В ООН 200 с чем-то государств, а это 145-е место.

Женщина: Там еще есть место.

Вячеслав Шерстнев: Вы же видели, что Аркадий Константинович показывал, что среди африканских государств. Причем, если посмотреть, что это за африканские государства, повнимательнее – как раз те самые, где голод. Сами понимаете, конечно. Прикольно

№ 35. Круглый стол «Повышение пенсионного возраста в России – проблемы и решения. Есть ли альтернативы?»

ходить и всем рассказывать, что у нас живут хуже, чем те, где от голода умирают. Но на самом деле все отлично знают. Что у нас от голода миллионами не умирают, не тот момент.

Женщина: Это в Москве.

Вячеслав Шерстнев: Да и не в Москве. Это же не времена голода в Поволжье, когда лежали трупы по дорогам.

Людмила Ржаницына: Почему же наши не публикуют эту статистику здоровой жизни? Не хотят.

[01:30:03]

Вячеслав Шерстнев: Этим занимается вполне конкретный американский фонд.

Людмила Ржаницына: Нет, я говорю, что наше здравоохранение вообще не публикует продолжительность здоровой жизни. Я уверена, что там не хорошо. Где наши исследования?

Вячеслав Шерстнев: Что такое продолжительность здоровой жизни? Как они это считают? Это же формализованный процесс. Как он там формализован – они считают вот так. А на самом деле...

Людмила Ржаницына: Я предлагаю посчитать.

Вячеслав Шерстнев: Ради бога, не вопрос. Я к чему это говорю. Я защищаю тех, кого здесь нет.

Мужчина: Они в этом не нуждаются.

Вячеслав Шерстнев: Эта таблица, которая здесь приводится – это тоже не аргумент. Идем дальше. Аркадий Константинович говорил, что если повысить пенсионный возраст, у нас обязательства Пенсионного фонда не уменьшатся. Это правда, но это следствие не того факта, что они не уменьшатся вообще никогда. Это следствие того факта, что у нас совсем недавно ввели новую пенсионную формулу.

Если бы у нас пенсионная формула была как та, которая была в Советской Союзе, которую Аркадий Константинович хвалил, правда, я не очень понял про коэффициент замещения 90-100, потому что максимальная пенсия была в конце Советского Союза 132, при средней зарплате 250, то есть откуда получилось 90, непонятно.

Аркадий Соловьев: От 55 до 75.

Вячеслав Шерстнев: Да, золотые слова. Так вот, если бы это была эта пенсионная формула, от 55 до 75 от последней зарплаты, то конечно, это бы дало экономический эффект налицо и сразу. Это совершенно очевидный факт. Сейчас у нас пенсионная формула устроена таким образом, что при увеличении момента выхода на пенсию, при движении его по дате, автоматически увеличиваются обязательства. А если бы она была советской, то они бы автоматически уменьшались.

Людмила Ржаницына: (нрзб.) (01:32:11)

Вячеслав Шерстнев: Нет, погодите. Сначала ввели пенсионную формулу, которая автоматически увеличивает обязательства при увеличении момента выхода на пенсию. А потом говорят, что давайте повысим пенсионный возраст, для того что бы пенсионные

обязательства понизить. Так не бывает. Если коротко, то существенного аргумента против повышения пенсионного возраста я не услышал. Разговоры о том, что близким надо помогать, и тому подобное – это, конечно, интересно, но это не экономический аргумент.

Людмила Ржаницына: Средняя продолжительность жизни вас не интересует?

Мужчина: Она растет (нрзб.) (01:32:54 – 01:33:16)

Аркадий Соловьев: Вопросы, которые возникают при сохранении нынешней пенсионной системы. Но я поставил вопрос немножечко другой, который напрямую вытекает из пенсионного возраста. Нужно ли нам стремиться менять это соотношение стажа и нетрудоспособного периода жизни в условиях цифровой экономики, когда действительно, все меньше людей должны работать.

Страшно это или не страшно? На Западе не пугаются, а наши пугаются, им почему-то не хватает. Вы знаете нашу политику: пенсионеры – люди, достигшие 60 лет – должны работать, потому что некому работать. Вы слышали об этом? Вот какой аргумент. Они действительно скромно умалчивают о том, что денег нет, а говорят о том, что некому работать.

Ольга Александрова: Аркадий Константинович говорил о том, что у нас нет высококвалифицированных рабочих мест. Надо быть очень осторожными со статистикой. Я совершенно случайно, в силу обычной житейской наблюдательности, поняла, что у нас скоро может появиться неожиданно очень много инженеров.

[01:35:02]

Мне пришлось в своих личных целях быть в отделении Росреестра, и вдруг я обратила внимание, что нас обслуживает ведущий инженер, а в соседнем окошечке никого просто нет. Когда мы закончили свои личные дела, я его спросила: «Молодой человек, можно, я вас по своей работе спрошу? Я вижу такое изменение. У вас требуются инженеры?» При том, что он только ксерокопирует, и так далее. «Образование вам требуется?»

Мне сказали: его должность – ведущий инженер, достаточно иметь любое высшее образование, не обязательно инженер. А для того чтобы быть инженером I категории, не нужно даже высшего образования. Я поняла, что мы к 2018 году вполне можем выйти на показатель в 25 млн, у нас будут одни инженеры. Так что будьте бдительны.

Мужчина: Аркадий Константинович, я задам шокирующий вопрос. Я бы вообще его уже перевернул, этот вопрос, и сформулировал так: как понижать пенсионный возраст? Как понижать его в будущем? Этот вопрос встанет. Сейчас мы обсуждаем, как повысить, а здесь надо уже думать, как понижать.

Аркадий Соловьев: Я вам скажу, что понизить можно. Года два назад я шокировал президента МАСО, когда у меня спросили, какой должен быть актуарно обоснованный пенсионный возраст. Я действительно привел эти цифры. Я сказал, что мужчины должны работать до 54 лет, а женщины – до 67, чтобы заработать среднюю пенсию. Он был очень сильно огорчен, потому что у них 65 давно у всех, а нашим надо работать 54, мужчинам.

Людмила Ржаницына: Емельянов написал интересную вещь. Там написано, что у нас самый высокий пенсионный возраст, если смотреть по продолжительности здоровой жизни.

[01:37:20] [Конец записи]